

Жан де Жуанвиль, Жоффруа де Виллардуэн

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Жан де Жуанвиль

История Крестовых походов

«Центрполиграф»

де Жуанвиль Ж.

История Крестовых походов / Ж. де Жуанвиль —
«Центрполиграф»,

Хроники известных французских авторов посвящены крестоносцам, воинам, сражавшимся за Святую землю. С горечью и восхищением Виллардуэн и Жуанвиль – оба участники Крестовых походов – воспроизводят историю двухсотлетней борьбы за обладание главной святыней христианского мира – Иерусалимом.

Содержание

Введение	5
Жоффруа де Виллардуэн	17
Глава 1	17
Глава 2	19
Глава 3	22
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жоффруа де Виллардуэн, Жан де Жуанвиль История Крестовых походов

Введение

Мало какие события в истории представляли в столь красочном виде, как ряд экспедиций в Святую землю (Палестину), известных как Крестовые походы. Само это название вызывает представление о мужественных рыцарях, которые, полные чистого религиозного рвения, оставляли свои дома и страну, отправлялись на священную войну с врагами христианской веры. Каждая из двух хроник написана людьми, которые сами принимали участие в данных походах, и каждая дает истинную картину этих предприятий, когда и темные и светлые стороны человеческой природы ярко высвечивались в деяниях тех, кто нес на себе крест. Хотя эти хроники ведут речь только о двух Крестовых походах, в данном введении они будут включены в контекст, который даст хоть часть представления о борьбе между христианами и мусульманами за обладание Святой землей, длившейся почти двести лет.

Иерусалим, святой город, был центром паломничества с самых давних времен. В 638 году он был захвачен мусульманским халифом Омаром, который оставил за христианами право свободно отправлять свою религию. Условия оставались неизменными до 1076 года, когда Иерусалим перешел в руки турок-сельджуков, которые оскверняли святыне, жестоко обращались с христианами в городе, бросали в тюрьмы одних и казнили других. (В 1090-х годах Иерусалим был снова подчинен египетским халифам.) Паломники, которым удавалось добраться до Святой земли и вернуться, приносили на родину сведения о бедственном положении их единосверцев на Востоке.

Идея священной войны, чтобы отомстить за такие деяния, осенила папу Григория VII и его последователя Виктора III, но западное христианство, озабоченное делами у себя дома, почти не обратило внимание на их воззвания. Тем не менее в районе Северных Альп молитвы Петра Отшельника (Амьенского) в значительной степени повлияли на народное мнение в пользу войны с неверными, и, когда на соборе в Клермоне в ноябре 1095 года папа Урбан II, француз по рождению, призвал своих соотечественников присоединиться к интернациональному походу для нового обретения Иерусалима, его слова встретили с неподдельным энтузиазмом. И в 1096 году два отряда двинулись на Восток. Один, под руководством Петра Отшельника, представлял собой плохо организованную толпу, которая в октябре того же года была почти полностью уничтожена турками. Другой отряд, состоявший из организованных формирований под командованием крупных феодалов (герцогов, графов) из Северной Франции и Фландрии, Южной Франции и Южной Италии, в декабре прибыла в Константинополь. Здесь к крестоносцам присоединился отряд императора Восточной Римской (Византийской) империи. Пройдя через Малую Азию, где они помогли византийцам взять Никею и нанесли поражение туркам при Дорилее (июнь 1097 года), крестоносцы наконец вошли в пределы Сирии. Население ее северной провинции Эдессы, восставшее против своего армянского правителя, в марте 1098 года пригласило Балдуина (Бодуэна) Бульонского занять его место. В июне того же года крестоносцы захватили Антиохию; в июле 1099 года они после полуторамесячной осады штурмом взяли Иерусалим. К сожалению, приходится сказать, что эта победа сопровождалась безжалостной резней в городе турок и евреев. В результате этого 1-го Крестового похода в Сирии возникли три христианских государства: графство Эдесса, княжество Антиохия и Иерусалимское королевство. В целом эта завоеванная территория получила название Заморская земля.

В течение многих лет ее феодалы, которые вели оборонительные и наступательные войны против окружающих врагов, удерживали завоеванные ими земли, не обращаясь за помощью к Западу. Тем не менее в 1144 году, когда мусульмане захватили Эдессу, король-регент Иерусалима, опасаясь худшего, поскольку теперь Антиохия оказалась на северной границе и турки могли захватить и ее, спешно обратился с призывом к папе Евгению III организовать новый Крестовый поход. Папа обсудил этот вопрос с французским королем Людовиком VII, человеком общепризнанного благочестия, который возложил на себя крест в 1146 году, когда красноречие будущего святого аббата Бернара Клервоского подвигло многих французов следовать примеру своего короля. Добравшись до Германии, святой убедил императора Конрада III присоединиться к экспедиции. В 1147 году армия, возглавляемая правителями Франции и Германии, полная готовности к великим деяниям, двинулась во 2-й Крестовый поход. Тем не менее в конечном итоге вместо взятия Эдессы крестоносцы предприняли неудачную попытку захвата Дамаска и ни с чем вернулись домой.

Тем временем силы мусульман на Востоке росли, а христиане здесь слабели. Паломники, которые прибывали в Святую землю, часто бывали потрясены роскошью и вольностями жизни заморских земель. На ссоры и диспуты между их феодалами впустую тратилась энергия, которая могла быть использована для их защиты. Смерть короля Амальрика Иерусалимского в 1174 году оставила королевство без законного наследника, а вскоре Саладин (Салах-ад-дин), придя к власти сначала в Египте, объединил силы мусульман Египта и Сирии в одном государстве. В 1187 году христиане пережили величайшую катастрофу, когда Саладин 3 июля разбил их армию у Тивериадского озера (Хаттина) и занял Тивериаду, Яффу, Аскалон, Газу и, наконец, вошел в Иерусалим. Более гуманное отношение мусульман к его христианскому населению (в рабство были обращены только те, кто не внес выкуп: 10 золотых динаров за мужчину, 5 за женщину и 1 за ребенка. – *Ред.*) представляло решительным контрастом с поведением крестоносцев, которые захватили город в 1099 году.

И снова западное христианство воспрянуло духом и начало действовать. В 1189 году силы 3-го Крестового похода, возглавляемые тремя монархами, Фридрихом I Барбароссой из Германии, Филиппом II Августом из Франции и английским Ричардом I Львиное Сердце, были готовы отправиться за море. 10 июня 1190 года Барбаросса, который двинулся первым, утонул при переправе через реку по пути через Малую Азию. Его огромная армия (первоначально до 100 тыс.), впадшая в уныние, стала таять, пока не остался только маленький контингент. Годом раньше Филипп II и Ричард I отплыли из Мессины, чтобы прийти на помощь королю Иерусалимскому, который с жалкими остатками войска был осажден Саладином в Акре. Партнерство с самого начала оказалось нелегким. Они были очень разными по темпераменту – Ричард горячий, порывистый и грубоватый, а Филипп холодный и практичный, и, кроме того, их отношения еще больше усложнялись тем фактом, что английский король, как герцог Нормандский, был не очень покладистым вассалом Филиппа II, а сам французский король, со своей стороны, не мог быть безразличным к силе и влиянию Ричарда.

Филипп II появился под Акрой 20 апреля 1191 года. Ричард I, которого задержал шторм на море, прибыл на семь недель позже. Когда 12 июля Акра сдалась, два короля подняли свои стяги на ее стенах. Леопольд Австрийский, командовавший немецкими войсками, разместил там и свой штандарт, но лишь для того, чтобы тот был сорван и брошен в ров. За оскорбление позже последует жестокое возмездие. Резня Ричардом пленных мусульман, сдавшихся после падения Акры, бросила темную тень на его имя.

В августе 1191 года французский король, уставший от тягот Крестового похода и обеспокоенный положением дел в своем королевстве, вернулся во Францию. Ричард возглавил оставшиеся войска и продолжил кампанию. Но хотя в сентябре 1191 года он нанес поражение Саладину при Арсуфе и успешно освободил Яффу в августе следующего года, Ричард мог лишь смотреть на Иерусалим – город, который не стоило и пытаться захватить. Единственным дости-

жением этого Крестового похода было пятилетнее перемирие с Саладином, условия которого дали крестоносцам право владения прибрежными городами к северу от Яффы и обеспечили христианским паломникам право свободного доступа в Иерусалим.

Итак, мы переходим к 4-му Крестовому походу, история которого рассказана Виллардуэном в его «Истории завоевания Константинополя». Работа отличается от всех прочих тем, что это первый достоверный отчет об данном походе, написанный по-французски. Правда, и предыдущие Крестовые походы имели своих историков, среди которых можно особо отметить Уильяма, архиепископа Тира, но они писали по-латыни. Они не жалели вдохновения, описывая подвиги крестоносцев за морями, но их труды не обладают исторической ценностью. Грейндор де Дуа, писавший в первой половине XII столетия, в своих «Антиохийском шансоне» и «Иерусалимском шансоне» вдохновенно рассказал о взятии этих двух городов во время 1 – го Крестового похода, но, с другой стороны, он имел весьма слабое представление о мотивах экспедиции и весьма недостоверные знания об основных событиях. Еще меньше доверия заслуживает такое подражание старофранцузскому эпосу, как «Готфрид Бульонский», где факты уступают место фантазии. В «Истории Святой Войны» Нормана Жонглера дан достаточно правдивый отчет о 3-м Крестовом походе, но с его позиции обыкновенного скромного паломника он мог представить всего лишь обзор событий. Так что Виллардуэн остается ведущим рассказчиком о событиях 4-го Крестового похода, который дал первую истинную и полную историю этой экспедиции – письменно, своими словами.

Автор «Истории завоевания Константинополя» родился между 1150 и 1154 годами. Его отец, Виллен де Виллардуэн, был дворянином из графства Шампань, чьи поместья располагались в южной части этой исторической провинции, недалеко от ее главного города Труа. Жоффруа не был старшим сыном, но благодаря своим связям по праву рождения (а позже полученным в браке) с многим дворянскими фамилиями в Шампани и в соседних провинциях и, без сомнения, в силу его уверенности в праве командовать и уважения, которым он пользовался, в 1185 году стал маршалом Шампани. В те дни, когда стычки между соседями-феодалами происходили сплошь и рядом, в обязанности маршала входило смотреть, все ли в порядке, следует ли сопротивляться или нападать; если начиналась война, он должен был провести все необходимые приготовления к кампании и при отсутствии своего сеньора взять на себя командование. Кроме того, он замещал графа во всем, что касалось управления графством. Виллардуэн, как мы знаем, не был на активной службе до того, как отправился за море, но есть свидетельства его важной роли, которую он играл как арбитр в спорах в Шампани, а также как представитель своего сеньора в его переговорах с королем Франции (графство Шампань было присоединено к королевскому домену только в 1285 году). В ходе выполнения этих своих обязанностей Виллардуэн познакомился с многими из тех благородных персонажей, чьи имена он цитирует в своей хронике, а также подготовился к решению тех задач, которые в изобилии ждали его.

Его работа, выстроенная в хронологическом порядке, не является отчетом о событиях, которые следовали день за днем; это, скорее, что-то вроде официальной истории 4-го Крестового похода, составленной через несколько лет после его неожиданного завершения человеком, который может использовать свою память в дополнение к существующим документам – письмам, договорам, армейским спискам и так далее – как маршал, Виллардуэн имел к ним свободный доступ. Как человек в зрелых годах и с большим опытом, пользовавшийся доверием тех, кто организовал этот поход и играл ведущую роль в различных кампаниях и в инцидентах, которые он описывает, Виллардуэн имел право говорить со знанием дела. Даже если все истории, написанные по прошествии времени, излагают события всеобъемлюще, а интерпретация Виллардуэна порой пристрастна, в целом он дает полный и честный отчет о событиях, которые так хорошо начались и так катастрофически кончились.

В то же время при всей точности и объективности его истории Виллардуэн не избежал упреков с разных сторон. Например, некоторые из его критиков считают, что, возлагая ответ-

ственность за неудачу Крестового похода на Зару (Задар), а потом на Константинополь на людей, которые не сообщали Венеции о ходе дел, Виллардуэн не учитывает некоторых махинаций, что происходили за сценой; другие обвиняли его в том, что, сознательно излагая свою историю именно таким образом, он старается избавить лидеров похода от упреков. На эту критику можно легко ответить. Без сомнения, венецианцев устраивала ситуация, которая давала им возможность усилить свое влияние в Средиземноморье; без сомнения, германский король Филипп Швабский старался восстановить в Константинополе власть своего шурина (Филипп был женат на дочери Исаака II Ангела) Алексея (не совсем так. Алексей (Ангел) – сын свергнутого в 1195 году императора Исаака II Ангела. Крестоносцы в 1203 году восстановили на престоле не Алексея, а Исаака II, который умер в 1204 году, а уже ему наследовал Алексей Ангел (Алексей IV). – *Ред.*). Трудно представить, что французские крестоносцы были бы согласны вместе преследовать цели Венеции и Германии, будь у них в этих напряженных обстоятельствах какой-то иной путь к успеху своего начинания. Что же до идеи, что Виллардуэн действовал как официальный апологет, это можно легко опровергнуть, учитывая его честный отчет о позднейших действиях тех же самых руководителей.

Также Виллардуэна обвиняли в излишней жесткости его суждений о тех, кто отказался присоединиться к армии или дезертировал из нее. Конечно, он был суров, но мы должны учитывать все обстоятельства. Вожди крестоносцев связали себя обещаниями выполнять соглашения, которые их послы утвердили в Венеции, и, в соответствии с феодальными обычаями, те, кто участвовал в походе, также оказались связанными этими обязательствами. Сам человек чести, полный высокого понимания своего воинского долга, Виллардуэн считал немыслимым, чтобы кто-то носящий высокое звание рыцаря мог нарушить свое обещание или отказаться подчиняться командам начальника. Почему же так много рыцарей, удивлялся он, не соблюдали этих законов? Возмущаясь тем уроном, который отступники нанесли предприятию, он решил, что те сочли более безопасным делом отправиться в Сирию, где у христиан в руках были некоторые города, чем рисковать, ведя военные действия в стране, которая полностью находилась в руках мусульман (до чего дело так и не дошло, и горе-крестоносцы отправились громить православных христиан Восточной Римской империи. – *Ред.*). Тем не менее, затрагивая вопрос о человеческой непоследовательности и повествуя о судьбе тех, кто ушел в Сирию, Виллардуэн говорит об отсутствии у них не столько храбрости, сколько мудрости, что он и осуждает. Говоря о них не столько с гневом, сколько с жалостью, он отдает дань памяти этих достойных рыцарей, сожалея лишь о том, что они сделали неправильный выбор и сполна заплатили за свои грехи и глупости.

Что же до обвинений, что Виллардуэн, рассказывая о разрухе в армии и дезертирстве из нее, не уделил внимания религиозным угрызениям совести тех, кто протестовал против войны с христианами, то в тот отрезок времени было трудно определить, насколько эти протесты серьезны и смогут ли они быть предлогом для распада армии. В деле аббата Во были некоторые основания для подозрений; этот клирик, сея раздоры в армии крестоносцев и, наконец, оставив ее в хаосе религиозных терзаний, отнюдь не проявил такого чистоплутства, когда в 1209 году взял на себя ведущую роль в «крестовом походе» против альбигойцев, которые в своем понимании христианства ничуть не уступали грекам (нельзя даже сравнивать православных (т. е. «ортодоксальных») христиан Восточной Римской империи и еретиков-катаров (альбигойцев), которые, в частности, предлагали «дешевое спасение» – стать совершенными перед самой смертью, а пока жить в свое удовольствие, распутничать. Катары утверждали, что есть два бога – добрый и злой, и весь материальный мир находится во власти злого бога (а добрый бог ведает духовным); они отрицали учение о смерти и воскресении Христа, объявляли ненужными таинства церкви, почитание креста, икон и сами храмы. И автор тем не менее ставит катаров на одну доску с жертвами алчности венецианцев и крестоносцев – православными. – *Ред.*).

Учитывая все эти обстоятельства, трудно удивляться, что Виллардуэн, убежденный, что единственная надежда снова взять Иерусалим заключается в единстве всех воинов Крестового похода, не мог терпимо относиться к тем, кто ослаблял крестоносное воинство, и не испытывал симпатии к тем, кто провоцировал религиозные споры. Разве не сам папа, на первых порах возмущенный нападением крестоносцев на христианский город Зару, даровал им отпущение грехов на том основании, что они действовали в крайне напряженных условиях, разве не он предостерег их от распада армии? Более того – в то же время, когда аббат Во доставлял столько неприятностей, его святейшество, полагаясь на полученное от Алексея (Ангела) обещание привести греческую (православную. – *Ред.*) церковь в лоно Рима, помедлив, наконец все же дал крестоносцам знать, что не возражает против похода на Константинополь, предполагая, что таким образом свершится объединение Римской и ортодоксальной (православной) церквей.

Эта надежда никогда не сбылась, и крестоносная армия так и не смогла взять святой город (т. е. Иерусалим). С того времени, как в феврале 1204 года крестоносцы предъявили свой ультиматум императору Алексею IV, все замыслы Крестового похода потеряли очертания в ряде стычек между французами и греками (византийцами) и в многочисленных трудностях, которые последовали за созданием силой оружия т. н. «Латинской Римской империи». В этой последней части хроники Виллардуэна необходимо принимать во внимание его взгляды. Рассказывая о событиях с французской точки зрения, он объясняет ход событий предрассудками греков. То, что с их стороны было мужественной попыткой завоеванной нации восстановить свою потерянную независимость, в его глазах было доказательством, что греки по своей натуре склонны к предательству и нелояльности. Но если не считать этих его предубеждений, хроника Виллардуэна дает честный отчет о долгой и трагической войне между христианами Востока и Запада, из которого мы можем делать свои выводы.

Из фактов, которые сообщает нам Виллардуэн, очевидно, что, с самого начала уверившись в своей мощи, завоеватели сделали фатальную ошибку, недооценив сопротивление, с которым им придется столкнуться. Уверенные после быстрого взятия Константинополя, что подчинить остальную империю будет легче легкого, и явно не осознавая ту силу ненависти, с которой культурная раса относилась к невежественным варварам, грабившим и разрушавшим их любимый город – один из прекраснейших (видимо, прекраснейший. – *Ред.*) центров цивилизации в тогдашнем мире, – французы не сделали ни попытки снискать доверие греков.

Сначала казалось, что уверенность в себе крестоносцев оправданна. Кроме нескольких отдельных городов, еще державшихся против завоевателей, все остальная земля к северу от проливов подчинилась иностранному правлению. Тем не менее западные феодалы, как признает сам Виллардуэн, вместо того чтобы справедливо править доставшейся им страной, думали только о своих выгодах. Последняя провокация переполнила чашу терпения греков (византийцев). Подняв восстание, они изгнали «франков» (т. е. крестоносцев) из Адрианополя. Полные желания всеми мыслимыми средствами избавиться от завоевателей, они вошли в союз с могущественным болгарским царем. Правда, в конечном итоге стало ясно, что он еще более неприемлем, чем «франки». Но если у греков и были основания сожалеть о его приходе, то так же считали и их завоеватели, потому что войска Ивана-Асена II фактически подчинили себе Латинскую империю, захватив лучшие города. Только два города рядом с Константинополем еще оставались в руках «франков».

Тем временем по другую сторону проливов, в Малой Азии, Феодор Ласкарис, муж дочери Алексея III Анны, всеми силами старался не допустить латинян к владению здешними землями, и, наконец, как нам рассказывает Виллардуэн, добился своей цели. Признанный законным правителем сначала греками в Малой Азии и теми, кто перешел на его сторону в европейской части империи, он был коронован императором. Никейская империя (1204–1261)

оставалась резиденцией греческой монархии до падения Латинской империи в 1261 году, а никейский император Михаил Палеолог (1259–1282) вернул трон в Константинополе.

Хроника Виллардуэна кончается как-то резко – смертью маркиза де Монферрата в 1207 году. Тот факт, что Анри де Валансьен в своей «Истории императора Генриха» (Генрих Фландрский, правил в 1206–1216 годах. – *Ред.*) продолжает рассказ как раз с того места, на котором завершилась «История завоевания Константинополя» Виллардуэна, объясняется внезапной смертью автора. Дата ее остается невыясненной. Есть свидетельство, что в 1212 году Виллардуэн был еще жив и продолжал обитать в Латинской империи, где он, скорее всего, и оставался до конца жизни. Документы о пожертвованиях в память его и жены позволяют предполагать, что он скончался до июня 1218 года. Тем не менее он жил достаточно долго, чтобы увидеть, как император Генрих (Анри), более мудрый и дальновидный, чем его незадачливый брат, умиротворил (отчасти. – *Ред.*) греков, отдав им долг чести и право самоуправления и установив мир в той части империи, которая продолжала принадлежать ему.

«История завоевания Константинополя» – один из наших главных источников информации о 4-м Крестовом походе.¹ Но кроме того, он является мемориалом тому, чья неизменная преданность рыцарским доблестям, таким как преданность и отвага, отводит ему место среди самых благородных личностей того времени.

Человек твердых религиозных принципов, Виллардуэн считал, что его обязанность перед Богом в том, чтобы служить Ему верно и преданно, как хороший вассал служит своему сюзерену. И кроме того, признавать, что все события, нравятся ли они Богу или вызывают Его неудовольствие, свершаются по Его воле. И более того, верность Богу влечет за собой безупречность поведения: все нарушения догматов веры, тайные махинации и акты предательства, корыстолюбие и самовлюбленность не только противоречат рыцарскому кодексу поведения, но и являются нарушением Божественного закона. Если Бог Виллардуэна является «Богом битвы», если он безоговорочно принимает папскую санкцию на войну против греков-христиан как справедливую и святую (снова попытка оправдать бессовестный и грабительский 4-й Крестовый поход. – *Ред.*), нам остается лишь сожалеть, как мало места в его религиозных убеждениях отведено любви и милосердию, – но мы не можем сомневаться в искренности его веры.

Столь же верный в своем служении тем, кому он предан в силу своих мирских обязанностей, Виллардуэн истолковывает свои обязанности не просто как слепое подчинение. Человек с сильным характером и обостренным чувством справедливости, он не только не боялся высказывать свое неодобрение ссоре императора Балдуина (Балдуин I Фландрский, р. 1171, правил в 1204–1205 годах. Разгромлен в 1205 году у Адрианополя болгарским царем Калояном. Умер в заключении. – *Ред.*) с маркизом де Монферратом, но и смело вмешивался, чтобы положить конец раздорам. В этом и в других случаях, приводимых в хронике, он убежден, что должен действовать «ради общего блага всех».

Смелость, другое существенное качество рыцаря, представляет собой, в чем Виллардуэн убежден, дисциплину деятельности. Это не значит закрывать глаза на опасность – в его работе есть много упоминаний о рискованных ситуациях, с которыми сталкивался и он, и его товарищи-крестоносцы. Не стоит сетовать и на опрометчивость, которая, как в случае тяжелой битвы у Адрианополя, подвергала опасности не только жизни сражающихся, и не все дело, которому они служили. Именно такой отвагой и обладал Виллардуэн; она настолько органично была ему свойственна, что Виллардуэну и в голову не приходило хвастаться ею. В каждом приключении, что выпадало на его долю, считал Виллардуэн, его отважные спутники участвовали в полной мере.

¹ Никита Хонциат, византийский историк, чей дом был сожжен и разграблен во время взятия Константинополя, дал – с византийской (греческой) точки зрения – полный отчет о периоде до 1206 года. Его интерпретация событий принималась во внимание при оценке предубеждений (понятное дело, «латинских») Виллардуэна.

Человек ясных и уравновешенных суждений, чистый и сдержанный по натуре, Виллардуэн отличался простотой и прозрачностью своих поступков. Никакого навязывания своей личности, никаких полетов воображения, никаких долгих и красочных описаний, которые так нравились его современнику Роберу де Клеру² и которые лишь прерывают четкую линию повествования – а ведь оно вызывает наш интерес лишь убедительным изложением фактов. В изложении Виллардуэна государственные мужи, преодолевая различные сложности, начали экспедицию как Крестовый поход, а кончили, как он показывает, войной против христиан. Искусно подбирая факты и умея обращаться с материалом, он показывает политическую важность каждого поворота событий, который ведет к дальнейшему развитию. Виллардуэн позволяет себе только такие комментарии, которые четко обрисовывают положение дел. Он был и солдатом, и государственным деятелем, и понятия о порядке и дисциплине, присущие человеку его профессии, явно прослеживаются в его откровенном рассказе о развале войска, а также о многих событиях долгой борьбы между «франками» (т. е. крестоносцами) и греками (византийцами).

При всей суховатой сдержанности его изложения непростой истории 4-го Крестового похода работе, безусловно, не хватает живости. Например, всякий раз, когда его история переходит от совещаний и простых обыденных вещей к воспоминаниям, как войско готовилось к кампании, контраст между его живым и драматичным рассказом о своих успехах и сдержанным повествованием о других инцидентах окрашивает хронику сочетанием света и теней. Виллардуэн никогда не изменяет простоте изложения, но по мере необходимости меняет темп и тональность. Рассматривая эту хронику в целом и помня, что Виллардуэн, как первый французский историк, руководствовался исключительно своим природным талантом, мы можем только удивляться мастерству этого воина и государственного деятеля, у которого, как у хорошего командира, факты выстраиваются в нужном порядке, чтобы донести до нас живую историю о том, как высокие надежды погибли у всех на глазах.

После неудачи 4-го Крестового похода в стремлении достичь своей первоначальной цели прошло какое-то время, прежде чем была сделана еще одна попытка сломить силы мусульман. Тогда в 1218 году Жан де Бриен, названный королем Иерусалимским и на самом деле правитель Акры, переправился по морю в Египет и после длительной осады в ноябре 1219 года взял Дамиегту. Два года спустя, в течение которых де Бриен почти ничего не добился (египтяне предлагали обменять Дамиегту на Иерусалим, но крестоносцы отвергли это предложение, развернули наступление на Каир и оказались зажатыми между египетским войском и разлившимся Нилом. – *Ред.*), его войско, оказавшееся в отчаянном положении, когда были затоплены низины в дельте Нила, было вынуждено вернуть Дамиегту мусульманам за возможность уйти из Египта.

6-й Крестовый поход произошел под давлением пап Гонория III и Григория IX. Его лидер, германский император Фридрих II, приплыл в Акру в сентябре 1228 года и потребовал передать Иерусалим ему по праву женитьбы на дочери и наследнице Жана де Бриена. Армия его была невелика; он встретил достаточно равнодушный прием со стороны здешних феодалов; но то, что он не мог приобрести силой оружия, Фридрих попытался обеспечить себе с помощью дипломатии. В феврале 1229 года после достаточно долгих переговоров с султаном (Фридрих II вступил с ним в союз против правителя Дамаска) был подписан Яффский договор, который предоставил Фридриху право владения всем Иерусалимом, за исключением мечети Омара. По нему же к христианам переходили побережье от Яффы до Бейрута, Вифлеем и Назарет. Эта

² Робер де Клер является автором еще одного рассказа очевидца о 4-м Крестовом походе под таким же названием, что и у Виллардуэна. Его описание, как он видит самого себя, не нуждается в дополнительных красках, но его отчет об экспедиции основывается главным образом на слухах – часто недостоверных, – так что его работа не имеет исторической ценности.

небрежная передача их городов шокировала мусульман; христиане же, со своей стороны, были разгневаны условиями доступа мусульман в Иерусалим, который оставался незащищенным. Враждебность между крестоносцами и мусульманами продолжала существовать, и в 1244 году святой город опять перешел в руки мусульман.

Вскоре после того, как новости об этой беде достигли Европы, французский король Людовик IX, тяжело заболев, слег в Париже. На больничном ложе он дал обет, что если с Божьей помощью восстановит свои силы, то лично отправится в Крестовый поход, чтобы вернуть Иерусалим. Но первым делом он должен был покончить с неотложными проблемами дома, так что прошло почти четыре года, прежде чем король оставил Париж и пустился в первый этап своего похода на Восток. Этот 7-й Крестовый поход (1248–1254), как и большинство предыдущих, не достиг Иерусалима. При всей личной храбрости Людовика IX и его умении воодушевлять других, цель одержать победу над мусульманами в Египте оказалась не по силам человеку, который был скорее святым, чем военным гением. И снова надежды крестоносцев утонули в Ниле. Последовавшей кампании Людовика IX в Святой земле положили конец неприятности в его собственном королевстве, которые потребовали возвращения во Францию. Да если бы он и остался здесь, то, скорее всего, ничего бы не достиг. Местные феодалы, гордые и независимые, без большой радости восприняли вторжение с Запада. Используя помощь короля Франции в укреплении некоторых своих городов, они с готовностью заверили его, что больше не нуждаются в его содействии. Французские же дворяне, уставшие от войны, которая не приносила им никаких доходов, убеждали короля вернуться во Францию, а некоторые из них, включая брата короля, уже покинули Восток.

Много лет спустя, после падения в 1268 году Антиохии, король Людовик IX задумался о новом Крестовом походе. Его брат Карл Анжуйский, тогда король Сицилии и Неаполя, был полон честолюбивых желаний стать правителем империи Средиземноморья, и он убедил чрезмерно доверчивого Людовика IX начать с нападения на мусульман в Северной Африке. Убедить человека с таким плохим здоровьем предпринять подобную экспедицию было порочной идеей. В июле 1270 года, так и не справившись с болезнью, король Людовик высадился рядом с Карфагеном, но быстро стал жертвой чумы и 25 августа умер в Тунисе. Карл же потерял всю свою решимость и вернулся на Сицилию. Принц Эдуард Английский (позже король Эдуард I), который пообещал присоединиться к королю Людовику IX в Тунисе, явился, когда французы уже уходили. Несколько погодя он отплыл в Акру, но убедился, что положение дел тут настолько плохо, что ему не стоит принимать в них участие. Он лишь помог заключить десятилетнее перемирие с египтянами. С того времени, пусть стычки между мусульманами и христианами на Востоке продолжались, на Западе они почти не привлекали внимания. Падение Акры в 1291 году ознаменовало конец правления христиан за морем.

За годы после смерти короля Людовика IX появился не один рассказ о его добром правлении и святой жизни. Два из них – хроника исповедника короля Жоффруа де Болье («Жизнеописание»), написанная по-латыни, и повествование на французском, несколько лет спустя составленное из разных источников Гийомом де Нанжи («Деяния святого Людовика»), – оставались лежать полузабытыми на полках библиотек. Третий, который до сих пор широко знают и читают, представлен здесь в виде современной версии «Жизни Людовика Святого».

Автор этой хроники был, как и Виллардуэн, уроженцем Шампани. Второй сын Симона, правителя Жуанвиля, дворянина, занимавшего высокое положение сенешаля провинции, он родился где-то между июнем 1224-го и маем 1225 года в замке своего отца, который высился над маленьким городком Жуанвиль на реке Марна. Он был не единственным из членов семьи, который отправился в Крестовый поход. Его дедушка Жоффруа был в составе армии, осаждавшей Акру в 1189 году, и скончался там же еще до того, как крестоносцы захватили город. Двое из его дядей, Жоффруа и Роберт (Робер), приняли участие в 4-м Крестовом походе. Робер, которого Виллардуэн встретил по пути из Венеции, сопровождал Готье де Бриена в Апулию и,

как говорят, умер там. Жоффруа отправился в Сирию и был там убит в 1203 году в бою. Поэма Ги де Провенса воздаст должное его выдающейся отваге. Мальчик, который слушал рассказы о подвигах своих родственников, на всю жизнь сохранил глубокое уважение к их памяти. Вернувшись из своей заморской кампании, он повесил щит своего дяди Жоффруа в часовне в Жуанвиле и разместил там же памятную доску, на которой своими словами воздал должное деяниям члена его семьи дома и в Крестовом походе.

Симон, отец нашего автора, который унаследовал от своего брата Жоффруа титул правителя Жуанвиля, принял участие в «крестовом походе» против альбигойцев. Позже он воевал в армии Жана де Бриена в Египте и присутствовал при падении Дамьетты. Его сын мог помнить рассказы отца об этой непростой осаде и сравнивать их с легким взятием Дамьетты войсками короля Людовика IX. Среди прочих воспоминаний его детства могла остаться и та ночь 1230 года, когда Симон оставил замок и поспешил освобождать Труа.

Мальчик еще не достиг совершеннолетия, когда умер его отец. Старший сын Симона был к тому времени мертв, так что Жан стал правителем Жуанвиля. Вдова Симона, женщина, по всей видимости, обладавшая сильным характером, правила владениями, пока ее сын был еще юн, и готовила его к тому времени, когда он станет достаточно взрослым, чтобы возложить на себя обязанности сенешаля Шампани – должность эта принадлежала правителям Жуанвиля вот уже несколько поколений. Кроме отправления правосудия в графстве или контроля за ведением хозяйства в поместье, главной обязанностью сенешаля было присутствовать при своем сеньоре в случае каких-то специальных церемоний и, кроме того, знать, как их проводить с должным уважением к протоколу – как себя подобает вести, какой моде в одежде следовать. Молодой человек, слишком юный, чтобы стать рыцарем, он в 1241 году разрезал мясо на банкетах графа Шампани в большом зале замка Семюр и уже был хорошо знаком с обязанностями своей должности. По прошествии лет его ранняя подготовка к должности сенешаля нашла отражение в его записках, как умение видеть и слышать многие странные вещи во время пребывания на Востоке.

Скорее всего, именно в Семюре де Жуанвиль впервые увидел человека, который оказал такое влияние на его жизнь; но, насколько мы можем судить, тогда у него с королем Людовиком IX еще не установилась та близкая связь, которая возникла, когда они оба участвовали в Крестовом походе. Когда в 1248 году он решил возложить на себя крест, не было никаких сомнений, что решение следовать по стопам предыдущих владельцев Жуанвиля стало решающим фактором его выбора. В то время де Жуанвиль продолжал считать себя вассалом графа Шампани, и его отказ выступать против феодальных обычаев, принося клятву в верности монарху через голову своего сеньора, достаточно ясно говорит о его отношении к королю Людовику IX до того, как они встретились на Кипре. Последовавшие близкие отношения с королем и вдохновили его на эту хронику.

«Жизнь Людовика Святого» разительно отличается по характеру, композиции и содержанию от аккуратного отчета Виллардуэна о 4-м Крестовом походе, написанного, как и подобает государственному человеку. Кроме раздела, в котором излагаются предыдущие события правления Людовика IX, многие детали, как, например, указы короля министрам его королевства, последние слова, сказанные сыну, и горсточка анекдотов, которые Жуанвиль почерпнул из ранних хроник, представляют собой скорее набор личных воспоминаний, чем историю в полном смысле слова. За первой частью повествования, полной иллюстраций благочестия короля и его справедливого правления, следует вторая, которая более или менее подробно излагает историю царствования короля Людовика и его последующей канонизации, что неизбежно ведет ко многим повторениям.

Определенная разница между этими двумя хрониками может быть, без сомнения, списана на то, что ранняя из них создана человеком в расцвете сил, а автору другой было уже далеко за восемьдесят. Надо признать, что Жуанвиль порой бывает излишне многословен, что

свойственно старикам, и к тому же повторяется. Тем не менее, когда этот ветеран смотрит назад через столетия – в те дни, когда он дрался и страдал рядом со своим обожаемым королем, – свежесть и живость повествования о прошлом заставляет забыть о его возрасте. В глубине души он остается тем же преданным и порывистым молодым рыцарем, который в далекие времена отправился за моря. Фактически отличие его работы от хроники Виллардуэна объясняется разницей в темпераменте и широте кругозора этих двух авторов, а не разницей в возрасте.

Не в пример раннему хроникеру, чей труд, стараясь донести политическую важность событий, уделяет внимание лишь тому, что творилось на авансцене, Жуанвиль куда более интересуется влиянием событий на людей, которые принимали в них участие, и рассказывает о том, что творилось за сценой. Поэтому, описывая битву, Жуанвиль, вместо того чтобы, как Виллардуэн, дать общее представление о ее ходе, вводит нас в самую гущу конфликта, показывает ряд мелких инцидентов, влияющих на личности или группы людей, различные реакции тех, кто сражался в этой ожесточенной кампании на Востоке. Если ему случается описывать конференцию, он не ограничивается лишь сообщением о конечном ее решении, и, если Виллардуэн ограничивается лишь кратким предложением, Жуанвиль дает живой отчет об обмене репликами между ее участниками. Фактически на протяжении всей хроники он подчеркивает человеческую сторону событий.

Заинтересованный наблюдатель человечества, в какой бы форме оно ни представало, Жуанвиль находит место в своей работе таким вещам, как причудливые привычки и одеяния бедуинов, странная теология «старца горы», подготовка телохранителей султана или примитивные похоронные обычаи одного из восточных племен. В круг его интересов входят не только люди; если что-то привлекает его внимание, будь то окаменевшая рыба, легендарный Нил или причудливо украшенный арбалет, этот человек, наполовину крестоносец, а наполовину любопытный странник, с удовольствием описывает их. Да, повествование постоянно отклоняется от темы, но этот недостаток его хроники в большой мере компенсируется живыми картинами того времени и образа жизни на Востоке.

Поскольку эти хроники так разительно отличаются друг от друга, можно предполагать, что в каждой из них образ автора предстает перед нами по-разному. Ведь Виллардуэн представляет собой фигуру идеального рыцаря в доспехах, а Жуанвиль – обыкновенного человека без оных. Откровенность и непосредственность, с которыми последний рассказывает, как ему было грустно расставаться со своим замком и детьми, о сомнениях и страхах, которые посещали его во время сражений, о боязни смерти от сабель сарацин, мало чем отличаются от эмоций других людей, но большинство участников боевых действий не всегда честно рассказывает о тяжелом опыте войны. Его же точный, но сдержанный отчет о личном участии в различных боевых операциях на Востоке и откровенное восхищение мужеством своих спутников служат доказательством, что по природе своей Жуанвиль был храбр и благороден и в то же время искренен и чувствителен. А если мы примем во внимание нерушимую верность королю, которому он служил, силу характера, проявленную далеко не в одном случае, заботу, достаточно редкую у людей его положения, о судьбе несчастных крестоносцев, оказавшихся в плену, и чувство ответственности за благополучие людей на его землях, станет ясно, что этот старый хроникер, имевший дело с тем же материалом, что и Виллардуэн, проявил себя человеком высокого благородства и столь же отважным рыцарем (что не помешало ему сохранить теплые человеческие черты).

Если оценить его хронику в целом, то «Жизнь Людовика Святого» имеет очень мало общего с тем, что Жуанвиль в своем посвящении объявил темой повествования. Тем не менее, несмотря на все отходы в сторону от основной линии повествования, его работа достигает своей цели – в полной мере отдать долг чести павшим рыцарям. И действительно, друг и ученик Людовика IX Святого настолько озабочен воздать должное своему скончавшемуся сюзерену,

что приводит многочисленные подтверждения его добродетелей, хотя и половины из них было бы достаточно. Эта чрезмерная преданность особенно чувствуется в той части работы, которая посвящена жизни короля в его владениях, его неизменной преданности служению Господу и на людям, и наедине с самим собой, его щедрой благотворительности, его любви к своему народу и вниманию, которое король уделял понятию справедливости в его понимании обязанностей правителя, – всему этому уделено непомерно большое место. В той же части, где речь идет о событиях за морем, образ короля предстает в более ярком свете в тех эпизодах, которые, кроме всего прочего, показывают его незаурядную отвагу в сражениях, его терпеливость в болезни, его силу духа перед лицом опасностей и бед. В описании Жуанвиля он предстает подлинным вождем, чей пример вселяет мужество в сердца и чья любовь к своим спутникам вызывает в них ответную преданность.

Таков король, которого Жуанвиль любит и почитает – но не слепо. Преданный слуга своего господина, он сохраняет за собой право судить его поступки. Так, например, оправдывая в целом независимый характер короля, что проявилось, например, в отказе клирикам судить о его совести, Жуанвиль не уверен, так ли уж мудро поступил его сюзерен, отвергнув советы тех, кто убеждал его следовать «добрым обычаям Святой земли», позволив разграбить Дамиемму. От всей души восхищаясь благочестием короля, он тем не менее считает, что тот должен был оставаться молиться в часовне, когда благородство и вежливость требовали отправиться в Сидон встречать жену, которая недавно родила ребенка. В подобных случаях он не медлил откровенно поговорить со своим королем. Например, он согласился продолжить службу на том же месте, но при условии, что король, со своей стороны, все это время будет сдерживать свой характер. И еще – когда аббат Ключни преподнес королю подарок в виде двух прекрасных верховых лошадей, а на следующий день предстояло разбирательство его дела, в тот же день Жуанвиль спросил своего государя – неужели его решение будет зависеть от этого подарка. Он посоветовал королю не принимать никаких даров от тех, кто обращается к нему с прошениями, чтобы они никоим образом не могли влиять на него.

Эти примеры, которые помогают нам увидеть в герое Жуанвиля живого человека, а не скульптурного святого, не выдуманы, и мы не должны истолковывать их как какие-то порочащие пятна на памяти благородного властителя и друга. «Жизнь Людовика Святого» предстает достойной данью памяти короля, который в современном ему мире был идеалом христианина и подлинного рыцаря, человеком, авторитет которого позволял ему руководить людьми, доверившимися ему. Любовь и уважение к доброму королю, а также скорбь от потери дорогого друга нашли выразительное воплощение в сие Жуанвиля о Людовике Святом, который стал достойным завершением его книги.

С моей точки зрения, кроме исторического интереса, эти старые хроники имеют непреходящую ценность, как подлинные человеческие документы, в которых мы видим, как мало по прошествии веков меняются дух человека и его поведение в тревожные времена. Конечно, есть некоторые особенности, которые отличают их от трудов, написанных в наши дни. Но какое впечатление производят эти отличия? Они невелики по сравнению с работой Виллардуэна, в которой его откровенное и искреннее повествование о давней кампании и устаревшие военные термины и выражения настолько близки к манере изложения мемуаров военачальников Второй мировой войны (взять хотя бы воспоминания фельдмаршала Монтгомери о кампании в Северной Африке), что кажется, будто лишь «тонкая стенка» отделяет рыцарей того далекого столетия от солдат, сражавшихся под Эль-Аламейном в 1942 году. Надо признать, что некоторые странности во взглядах Жуанвиля на окружающий его мир, его наивное принятие идей, которые больше не имеют хождения в нашем ученом социуме, являются эхом давно прошедших времен. Тем не менее (по отношению ко всей его хронике) такие отступления в ней, когда появляются вроде бы несущественные подробности, говорят об уровне мышления в XIII столетии. На переднем же плане, как и у Виллардуэна, – идеал рыцарского служения, на кото-

ром базируется и наша концепция цивилизованного человека. Кроме того, волнующий рассказ о войске, которое ждали поражение и плен, выразительно описывает ужасы войны, и яркие чистые краски повествования не потускнели от времени.

Это все, что можно сказать о содержании данных хроник. Как их форму будет воспринимать современный читатель? По моему мнению, версия, которая попытается имитировать архаические идиомы – кстати, помимо всего прочего, словарь для их передачи настолько ограничен, что некоторые слова будут повторяться с монотонной частотой, а предложения, часто вольно составленные, соединяются многочисленными союзами «и», – безусловно даст представление о непреходящих ценностях, но главным образом будет настойчиво выявлять случайные различия между их веком и нашим.

Жоффруа де Виллардуэн

История завоевания Константинополя

Глава 1

Призыв к 4-му Крестовому походу

1199–1201 годы

В году от рождения Господа нашего 1198-м, когда Иннокентий был папой римским, Филипп – королем Франции, а Ричард – королем Англии, жил во Франции человек святого поведения, по имени Фульк, который был членом священного ордена и священником прихода в Нейи, маленьком городке, лежащем между Парижем и Ланьи-сюр-Марн. Этот самый Фульк начал молить о Слове Господнем во всей Иль-де-Франс и других окружающих провинциях, и Господь сотворил через него много чудес.

Рассказы о молениях этого доброго человека так широко разошлись, что дошли до папы Иннокентия. И тот направил послание во Францию и поручил этому благочестивому мужу, чтобы тот проповедовал Крестовый поход от его, папы, имени. Несколько позже он направил одного из своих кардиналов, монсеньора Пьетро да Капуа, уже принявшего крест, и поручил через него давать следующее отпущение грехов крестоносцам: всем, кто возьмет крест и отслужит Богу в войске один год, будут прощены все грехи, которые они содеяли и в которых исповедались. Так как это отпущение было весьма щедрым, сердца людей сильно растрогались, и поэтому многие возложили на себя крест.

В начале Рождественского поста следующего года, после того как благочестивый Фульк проповедовал таким образом слово Божье, в замке Экри в Шампани состоялся турнир, и милостью Божьей так случилось, что Тибо, граф Шампани и Брие, принял на себя крест вместе с Луи, графом Блуаским и Шартрским. Граф Тибо был молодым человеком не старше двадцати двух лет, а графу Луи было не более двадцати семи лет. Оба эти графа были племянниками короля Франции и троюродными братьями, а также, с другой стороны, племянниками короля Англии. Их примеру последовали граф Симон де Монфор и граф Рено де Монмирай, два знатнейших сеньора Франции. Великая слава прошла по всем землям, когда эти два знатных мужа возложили на себя крест.

Во владениях графа Тибо Шампанского принять крест сочли обязательным Гарнье, епископ Труа, граф Готье де Бриенн (Бриен), Жоффруа де Жуанвиль (Жуэнвиль), который был сенешалем этой земли, Робер, его брат, Готье де Виньори, Готье де Монбельяр, Эсташ де Конфлан и его брат Гюи дю Плесси, Анри д'Арзильер, Ожье де Сен-Шерон, Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, Жоффруа, его племянник, Гийом де Нюлли, Готье де Фюлиньи, Эввар де Монтиньи, Манассье де л'Иль, Макэр де Сент-Менеу, Милон ле Бребан, Гюи де Шапп, его племянник Кларембо, Рено де Дампьер, Жан Фуанон и многие другие достойные люди, имена которых здесь не упоминаются.

С графом Луи крест приняли Эрве дю Шатель и его сын Эрве, Жан де Вирсэн, Оливье де Рошфор, Анри де Монтрей, Пэян Орлеанский, Пьер де Брасье, Гуго, его брат, Гийом де Сэн, Жан Фриэзский, Готье де Годонвиль, Гуго де Кермере, Жоффруа, его брат, Эрве де Бовуар, Робер де Фрувиль, Пьер, его брат, Орри де л'Иль, Робер дю Картье и многие другие, о которых книга не упоминает. Во Франции крест возложили на себя Невелон, епископ Суасонский, Матье де Монморанси, Гюи, шателен де Куси, его племянник, Робер де Ронсуа, Ферри д'Йерр, Жан, его брат, Готье де Сен-Дени, Анри, его брат, Гийом д'Онуа, Робер Мовуазен, Дрё

де Крессонсак, Бернар де Морей, Ангерран де Бове, Робер, его брат, и многие другие добрые рыцари, о которых книга здесь умалчивает.

С наступлением следующего Великого поста, в среду его первой недели в Брюгге крест взяли Бодуэн (Балдуин), граф Фландрии и Геннегау, и графиня Мария, его супруга, которая приходилась сестрой графу Тибо Шампанскому. Затем крест приняли Анри (Генрих), его брат, Тьерри, его племянник, который был сыном графа Филиппа Фландрского, адвокат г. Бетюн Гийом, Конон, его брат, Жан Нельский, шателен Брюгге, Ренье де Трит, Ренье, его сын, Матье де Валенкур, Жак д'Авень, Балдуин де Бовуар, Гуго де Бомец, Жерар де Маншикур, Эд де Ам, Гийом де Гоменьи, Дрё де Борен, Роже де Марк, Эсташ де Собрюик, Франсуа де Колеми, Готье де Бузи, Ренье де Монс, Готье де Томб, Бернар де Субренжъен и многие добрые рыцари, о которых книга не говорит.

Затем взял крест граф Гуго де Сен-Поль. С ним приняли крест Пьер Амьенский, его племянник, Эсташ де Кантелэ, Никола де Майи, Ансоде Кайо, Гюиде Удэн, Готье Нельский, Пьер, его брат, и многие другие люди, коих мы не знаем.

А уж потом взяли крест граф Жоффруа Першский, Этиен, его брат, Ротру де Монфор, Ив де ла Жай, Эмери де Вильруа, Жоффруа де Бомон и многие другие, чьих имен я не ведаю.

Затем сеньоры собрались на совет в Суасоне, чтобы определить, когда они хотели бы двинуться в путь и куда намеревались бы отправиться. В тот раз они не смогли достигнуть согласия, ибо им казалось, что у них нет еще достаточного числа людей, принявших крест. Не прошло и двух месяцев, как в том же году они собрались на совет в Компьене. Там были все графы и бароны, которые приняли на себя обет участия в Крестовом походе. Здесь были высказаны, заслушаны и поданы разные мнения и советы, но окончательное решение было таково – чтобы направить лучших послов, каких только можно сыскать, и предоставить им все полномочия предпринимать любые действия от имени своих сюзеренов.

Двух из этих послов послал Тибо, граф Шампани и Брие, Бодуэн (Балдуин), граф Фландрии и Геннегау, – тоже двух и еще двух – Луи, граф Блуаский. Послами графа Тибо были Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, и Милон ле Бребан; а послами графа Бодуэна стали Конон Бетюнский и Алар Макеро; послами же графа Луи – Жан Фриэзский и Готье де Годонвиль.

Этим шестерым была полностью поручена забота о деле. Им были выданы надлежащим образом подписанные грамоты с печатями, которые удостоверяли, что их сюзерены неуклонно выполнят те условия, которые заключат эти шестеро в каких-либо морских портах или в других местах, куда они явятся.

Итак, шесть послов отправились для выполнения своей миссии. Посоветовавшись между собой, они пришли к единодушному согласию, что в Венеции смогут найти гораздо большее количество судов, чем в каком-либо другом порту. Оседлав коней, они пустились в дорогу и ехали день за днем, пока в первую неделю Великого поста не прибыли к месту своего назначения.

Глава 2

Договор с венецианцами

Апрель 1201 года

Дож Венеции Энрико Дандоло, человек весьма мудрый и знающий, принял французских послов с большим почетом – и сам он, и другие люди оказали им сердечный прием. Когда послы предъявили письма своих сеньоров, венецианцам было очень любопытно узнать, для какого дела они прибыли в их землю, потому что представленные документы были всего лишь верительными грамотами; графы писали, чтобы их послам верили, словно лично им самим, и что они примут все условия, о которых договорятся их посланники.

И дож ответил им: «Господа, я ознакомился с вашими грамотами. Мы удостоверились в том, что сеньоры ваши являются самыми знатными лицами из тех, кто не носит короны. И они просят нас доверять вам во всем, что бы вы ни сказали, и заверяют, что поддержат любое соглашение, которое вы заключите с нами».

«Государь, – ответили послы, – мы просим, чтобы вы созвали свой совет, и завтра, коли вам угодно, перед ним мы скажем, о чем просят вас наши сеньоры». И дож ответил, что ему требуется четыре дня, и попросил их дожждаться, пока не соберется совет, где они и смогут сказать, чего хотят.

Посланники дождались назначенного днем четвертого дня. Они вернулись во дворец, который был весьма прекрасным, богато обставленным зданием. Там они и нашли дожа и его совет, собравшихся в особом покое, и изложили данное им поручение. «Государь, – сказали они, – мы прибыли к тебе от знатных баронов Франции, которые приняли крест, чтобы отмстить за поругание, учиненное над Господом нашим, и, если Бог соизволит, отвоевать Иерусалим. И поелику они знают, что никто не обладает столь великим могуществом, как вы и ваш народ, то они просят, чтобы вы, во имя Бога, сжалились над заморской землею (Палестиной. – *Ред.*), отомстили за поругание святынь и решили, как предоставить нам военные корабли и транспорты».

«А на каких условиях?» – спросил дож. «На любых, – ответили послы, – какие бы вы ни предложили или ни посоветовали, лишь бы они могли принять ваши условия и оплатить их». – «Разумеется, – сказал дож, – дело, которое они у нас просят, – великое дело, и кажется, что замыслено великое предприятие. Мы дадим вам ответ через неделю. Не удивляйтесь, что срок так долог, ибо столь важное дело надобно как следует обдумать».

В срок, который дож им назначил, послы вернулись во дворец. Я не мог бы передать вам все слова, которые были там сказаны и произнесены, однако конец встречи был таков. «Сеньоры, – сказал дож, – мы сообщим вам решение, которое мы приняли, коль скоро сумеем склонить наш Большой совет и всех граждан одобрить его; а вы посоветуйтесь друг с другом, сможете ли согласиться на то, чтобы принять наши условия.

Мы поставим транспортные суда, которые смогут перевезти четыре тысячи пятисот коней и девять тысяч оруженосцев, и другие корабли для переправки четырех тысяч пятисот рыцарей и двадцати тысяч пеших воинов. Кроме того, мы включим в контракт обеспечение коней и людей прокормом и провиантом на девять месяцев. За все это мы возьмем самую низкую цену, а именно: за каждого коня четыре марки и две марки за каждого человека.

И все эти условия соглашения, которое мы вам представим, будут исполнены в течение одного года, считая со дня, когда мы отплывем из гавани Венеции, чтобы послужить Богу и всему христианскому миру в каком бы то ни было месте. Общая сумма этих расходов, которые мы здесь только что привели, составляет 85 тысяч марок.

А сверх того мы сделаем вот что. Из любви к Богу мы дополнительно поставим от себя пятьдесят вооруженных галер на условии, что до тех пор, пока наш союз будет существовать, от всех завоеваний, на море или на суше, будь то земли или имущество, половину получим мы, а другую – вы. Вам остается лишь посоветоваться, сможете ли вы принять и выполнить наши условия».

Послы вышли, сказав, что переговоят между собой и ответят им завтра. Они совещались всю ночь и, наконец, согласились принять условия венецианцев. Утром следующего дня они предстали перед дожем и сказали: «Государь, мы согласны заключить этот договор». А дож сказал, что переговорит со своими сподвижниками и даст знать, как обстоят дела.

На следующий, то есть третий день после того, как дож описал свое предложение, он, который был мужем мудрым и доблестным, созвал свой Большой совет, состоявший из сорока человек, считавшихся самыми умными и способными в государстве Венеция. Своим ясным умом и здравым смыслом, которыми он обладал в высочайшей степени, дож Дандоло уговорил их принять и одобрить предлагаемое соглашение. Делал он это постепенно: сначала он склонил несколько человек, потом больше и еще больше – пока все не согласилось и не одобрило эти условия. После этого он созвал по крайней мере десять тысяч в церкви Святого Марка, красивойшей из всех, какие только есть на свете, и сказал собравшимся, чтобы, выслушав обедню Святого Духа, они молили бы Бога вразумить их насчет просьбы, с которой обратились послы. И все весьма охотно это исполнили.

Когда обедня была завершена, дож позвал послов, чтобы те смиренно попросили народ Венеции согласиться на принятие этого договора. Послы явились в храм, где привлекали любопытные взгляды множества людей, которые их никогда не видели.

Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, с согласия и по воле других послов взял слово и сказал им: «Сеньоры, самые знатные и самые могущественные во Франции, послали нас к вам. Они заклинаят вас о милости, чтобы вы сжалились над Иерусалимом, который находится в порабощении у сарацин, и, Бога ради, согласились сопутствовать им и помочь отомстить за поругание Иисуса Христа. Выбрали же они вас, ибо знают, что ни один народ не имеет такого могущества на море, как вы. И они повелели припасть к вашим стопам и не подниматься, покуда вы не согласитесь сжалиться над Святой землей за морем».

Вслед за этим шестеро послов, проливая обильные слезы, преклонили колени перед венецианцами. И дож, и все другие разразились слезами и в один голос, высоко воздевая руки, воскликнули: «Мы согласны, мы согласны!» И затем поднялся столь великий шум и крик, что казалось, разверзается земля.

И когда, наконец, стих этот великий шум, а всеобщая жалость улеглась (а были они столь сильны, что таковых никто никогда не видел), великий дож Венеции, который был человеком весьма мудрым и доблестным, взошел на амвон и, обратившись к народу, сказал ему так: «Сеньоры, посмотрите, какую честь оказал вам Бог; ведь лучшие люди на свете оставили без внимания все другие народы и ищут вашей поддержки, чтобы совершить вместе с вами столь великое дело, как освобождение Господа нашего!»

Слова, которые сказал дож, были столь хороши и прекрасны, что я не могу все их вам передать. Конец же дела был таков: решили изготовить на следующий день грамоты, и они были составлены и написаны. После этого на совете было разъяснено, что поход будет направлен к Каиру, потому что отсюда мусульман можно будет уничтожить куда легче, нежели из какой-нибудь другой части их территории, но хранилось это решение под большим секретом. А во всеуслышание было объявлено, что мы отправляемся за море. Тогда был Великий пост. Постановили, что через год со Дня святого Иоанна – то будет 1202 год – сеньоры и остальные крестоносцы должны собраться в Венеции, где их будут в готовности ждать корабли.

Когда грамоты были изготовлены, подписаны и скреплены печатями, их представили дожу в большом дворце, где собрались Большой совет и Малый совет. И, вручая эти грамоты

послам, дож Дандоло преклонил колени и, обливаясь слезами, поклялся на святом Евангелии честно соблюдать соглашения, начертанные в грамотах, и весь его совет, который состоял из сорока шести особ, тоже. Послы же, со своей стороны, поклялись блюсти соглашения, записанные в грамотах, и честно выполнять клятвы своих сеньоров и собственные. На этой встрече было пролито много слез. Сразу же после нее и та и другая сторона договорились отправить своих посланников в Рим к папе Иннокентию, чтобы он утвердил этот договор. Он весьма охотно это сделал.

Послы заняли пять тысяч марок серебра у жителей города и вручили их дожу, чтобы начать постройку кораблей. Затем они простились с Венецией, чтобы вернуться в свою страну. Они скакали, пока не прибыли в Пьяченцу, что в Ломбардии. Там они разъехались: Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, и Алар Макеро направились оттуда во Францию, а другие – в Геную и в Пизу, чтобы выяснить, какую подмогу окажут они землям за морем.

Глава 3

Армия ищет вождя

Май – сентябрь 1201 года

Когда Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани, пересекал Мон-Сени (перевал в Западных Альпах, 2083, сейчас через него проходит шоссе Гренобль – Турин. – *Ред.*), он встретил графа Готье де Бриена; тот направлялся в Апулию отвоевывать земли своей супруги, дочери короля Танкреда, на которой он женился после того, как принял крест. С ним были и другие крестоносцы, включая Готье де Монбельяра, Эсташа де Конфлана, Робера де Жуанвиля и многих других уважаемых людей из Шампани.

Услышав от маршала о том, что сделали послы, путники, обрадовавшись, одобрили этот успех и сказали ему: «Мы уже в дороге, – сказали они, – и когда вы прибудете в Венецию, то найдете нас в полной готовности». Но события происходят так, как угодно Богу, и им не представилось больше возможности присоединиться к войску. Это было очень прискорбно, ибо они были весьма отважны и доблестны.

Так что они разъехались, и каждый двинулся своей дорогой. Маршал Жоффруа де Виллардуэн ехал верхом много дней, пока не прибыл в Труа в Шампани, где нашел своего сеньора графа Тибо больным и в глубокой печали. Тем не менее тот был очень рад его прибытию. И когда маршал рассказал ему, чего удалось добиться, граф был настолько охвачен радостью, что приказал оседлать коня, чего уже давно не делал, и сел верхом. Увы! Какая жалость! Ведь он уже никогда больше не смог сесть на коня, кроме как в этот раз.

Графу становилось все хуже, и болезнь стала настолько серьезною, что он составил завещание и отдал распоряжения, разделив деньги, которые должен был взять с собой, между своими людьми и спутниками, среди которых имелось много искренних его друзей – ни у кого из его современников не было столько. И он распорядился, чтобы каждый, получив свою долю денег, поклялся на святом Евангелии, что присоединится к армии в Венеции, как он сам и обещал. Все же нашлось много таких, которые позже не сдержали свою клятву и были сильно порицаемы за такое отступничество. Остальную часть своих денег граф распорядился сохранить на нужды войска и израсходовать их наилучшим образом.

Так почил граф, и мало кого в мире мог ждать лучший конец. Он отошел в мир иной, окруженный толпой родственников и вассалов. Я не берусь рассказывать о трауре после его смерти и похоронах – никогда и никому не было отдано столько почестей. Это было только справедливо, ибо никогда человек его возраста не был столь любим и вассалами, и прочими людьми. Он был похоронен рядом со своим отцом в церкви Святого Этьена в Труа. Графиня Бланш, его супруга, дочь короля Наваррского, овдовела. Она была очень красива и добра. Она родила мужу маленькую дочку и носила его сына.

Когда графа похоронили, Матье де Монморанси, Симон де Монфор, Жоффруа де Жуанвиль, который был сенешалем Шампани, и маршал Жоффруа Виллардуэн отправились к герцогу Эду Бургундскому и сказали ему: «Сеньор, вы понимаете, какое несчастье принесла землям за морем смерть графа Тибо. И теперь мы Богом заклинаем вас взять крест и помочь заморским землям. Мы устроим, чтобы вам были вручены все его деньги, поклянемся на святом Евангелии и заставим остальных тоже поклясться, что будем честно служить вам так, как служили бы ему».

Тем не менее герцог отказался взять на себя эти обязанности. (По-моему, он мог бы проявить побольше мудрости.) Тогда Жоффруа де Жуанвилю было поручено обратиться с таким же предложением к графу Тибо Бар-ле-Дюку, кузену покойного графа. Но и он тоже отказался.

Смерть графа Тибо Шампанского стала большим горем для пилигримов и для всех тех, кто собирался воевать во славу Господа. И в начале месяца они собрались на совет в Суасоне, дабы решить, что же им делать. Среди прочих присутствовавших были граф Балдуин Фландрский и Геннегау, граф Луи Блуаский и Шартрский, граф Жоффруа Першский, граф Гуго де Сен-Поль и многие другие доблестные люди с высокой репутацией.

Жоффруа де Виллардуэн объяснил ситуацию. Он рассказал о предложении, которое они сделали герцогу Бургундскому и графу Бар-ле-Дюку, и как оба они отказались принять его. «Сеньоры, – сказал он, – послушайте меня, и, если позволите, я предложу вам возможный ход действий. Маркиз Бонифаций Монферратский – весьма доблестный муж и один из наиболее умных среди тех, кто ныне здравствует. Если вы попросите его приехать сюда, и взять крест, и заступить место графа Шампанского и если вы предоставите ему предводительство над войском, он тотчас примет ваше предложение».

Большое было расхождение во мнениях, судили и рядили так и сяк, но в конце все присутствующие, великие и малые, пришли к согласию. Были написаны необходимые письма, избраны послы, и их отправили просить маркиза. Он прибыл в день, который они ему назначили, через Шампань и Иль-де-Франс, где много людей, и даже король Франции, кузеном которого он приходился, оказывали ему большие почести.

Маркиз прибыл на совет, собравшийся в Суасоне, где было великое скопление графов, баронов и простых крестоносцев. Когда они узнали, что маркиз прибывает, то выехали ему навстречу и с большим почтением приветствовали его. Наутро в винограднике аббатства Святой Марии Суасонской прошел совет, на котором все просили маркиза принять их просьбу и умоляли его во имя Бога возложить на себя крест и согласиться возглавить армию, заняв место Тибо Шампанского и взяв на себя ответственность за его деньги и его людей. Все они в слезах припали к стопам маркиза; он, в свою очередь, встал перед ними на колени и сказал, что с радостью ответит на их просьбу.

Так маркиз склонился к их мольбам и взял на себя предводительство войском. Тотчас епископ Суасонский и святой человек Фульк, а также два брата-цистерцианца, которых маркиз привез из своих владений, повели его в церковь Богоматери и прикрепили ему на плечо крест. Так закончился этот совет. На следующий день маркиз покинул их, чтобы вернуться в свою землю и устроить свои дела. Он посоветовал всем также привести в порядок дела и сказал, что снова встретится с ними в Венеции.

Из Суасона маркиз отправился на капитул в Сито, который ежегодно в сентябре собирался на праздник Святого Креста. Там он нашел великое множество аббатов, баронов и других людей из Бургундии; туда же отправился и Фульк из Нейи, чтобы молиться об успехе Крестового похода. По этому поводу многие возложили на себя крест, включая Эда ле Шампенуа де Шамплитта и его брата Гийома, Ришара де Дампьера с братом Эдом, Гюи де Песме и его брата Эмона, Гюи де Конфлана и многих других достойных людей из Бургундии. После них крест приняли епископ Отенский, граф Гью де Форэ, отец и сын (оба Гуго) де Берзе, Гуго де Колиньи. И в Провансе Пьер де Бромон и много других людей, чьи имена я не знаю, возложили на себя крест.

Так по всей стране люди готовились к паломничеству. Увы! Великая беда приключилась к следующему Великому посту, когда они уже были готовы отправиться в путь. Слег граф Жоффруа дю Перш и составил завещание, распорядившись, чтобы его брат Этьен взял его деньги и возглавил бы его людей. (Не будь на то Божьей воли, пилигримы охотно обошлись бы и без этих перемен.) Так скончался граф дю Перш. Это действительно было великой утратой – ведь он был весьма знатным бароном, воистину почитаемым и отважным рыцарем. Во всех его владениях подданные глубоко скорбели по нему.

Глава 4

Задержки и разочарования Июнь – сентябрь 1202 года

После Пасхи, ближе к Троице, крестоносцы начали оставлять свои земли. Как вы можете догадаться, их друзьями и подданными было пролито много слез жалости о покидавших свои края. По пути на юг воины Христовы проехали Бургундию, перевалили горы Альпы (через перевал Мон-Сени), затем пересекли Ломбардию и стали, таким образом, собираться в Венеции. Расположились на острове Сан-Николо-ди-Лидо (о. Лидо в современных атласах, прикрывающий вход в Венецианскую лагуну. – *Ред.*).

Примерно в то же время отбыла флотилия из Фландрии, неся с собой множество вооруженных людей. Капитанами ее являлись Жан де Нель, шателен Брюгге, Тьерри, сын графа Филиппа Фландрского, и Никола де Майи. Они обещали графу Балдуину и поклялись ему на святом Евангелии, что поплывут через Марокканский пролив (ныне Гибралтарский пролив), после чего присоединятся к войску, собирающемуся в Венеции, и к нему самому в любом месте, где им будет велено пристать. По этой причине граф Балдуин (Бодуэн) и Генрих (Анри), его брат, послали с ними часть своих кораблей, нагруженных одеждой, съестными припасами и прочими вещами.

Флот этот был великолепен и отлично оснащен; граф Фландрский и его друзья-крестоносцы очень полагались на этих моряков, потому что с их кораблями отправилась в путь большая часть их лучших оруженосцев. Однако капитаны и их спутники нарушили слово, данное своему сеньору, потому что и сами они, и многие другие убоялись великой опасности дела, за которое взялось войско, которое находилось в Венеции.

Так же повели себя, отказавшись от своих обетов, епископ Отенский, Гью, граф Форэ, Пьер Бромон и многие другие, которые подверглись за это суровому осуждению (да и на месте, куда направлялись, они мало что сделали бы). Среди тех, кто пустился в путь из Иль-де-Франс и бросил нас, были также Бернар де Морей, Гуго де Шомон, Анри д'Арэн, Жан де Вилл ер, Готье де Сен-Дени, Гуго, его брат, и многие другие, которые уклонились от приезда в Венецию, испугавшись риска, и двинулись в Марсель. Им досталось великое презрение и всеобщее осуждение, и их позорное поведение позже навлекло на них большие несчастья.

А теперь оставим разговор о них и поведаем о тех пилигримах, большая часть которых уже прибыла в Венецию. Там уже был граф Балдуин Фландрский и многие другие. Их весьма встревожило известие, что многие пилигримы направились разными дорогами в другие гавани. Это означало, что крестоносцы не могли выполнить свои обязательства перед венецианцами и уплатить деньги, которые были им должны.

Посоветовавшись, они решили выслать надежных послов навстречу пилигримам и графу Луи Блуаскому и Шартрскому и другим крестоносцам, которые еще не прибыли, чтобы убедить их собраться с мужеством и проникнуться жалостью к заморской земле. Также посланники должны были убедить их, что никакая другая дорога не столь выгодна, как через Венецию.

Для этого посольства были избраны граф Гуго де Сен-Поль и Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани; они поехали верхом, пока не добрались до Павии в Ломбардии, где застали графа Луи с великим множеством благородных рыцарей и прочих добрых воинов. Настойчивыми увещеваниями и просьбами они убедили многих повернуть к Венеции, хотя те собирались было пойти иными путями в другие гавани, откуда и добираться до Венеции.

Тем не менее очень многие, оказавшись в Пьяченце, свернули в сторону и стали добираться до Апулии другими дорогами. Среди них были Вилен де Нейи, один из доблестнейших рыцарей на всем свете, Анри д'Арзильер, Рено де Дампьер, Анри де Лоншан и Жиль де Трази-

нии. Этот последний был вассалом, присягнувшим графу Балдуину Фландрскому и Геннегау, который выдал из своих средств 500 ливров, чтобы де Тразиньи пошел с ним в поход. Вместе с ними отправилось великое множество рыцарей и оруженосцев, чьи имена не записаны в этой книге. Их уход намного сократил число тех, кто должен был присоединиться к силам, собравшимся в Венеции, в результате чего войско оказалось в весьма затруднительном положении, о чем вы скоро узнаете.

Граф же Луи и другие сеньоры прибыли в Венецию, где были торжественно и с большой радостью приняты. Они расположились вместе с прочими на острове Святого Николая (о. Лидо). Это воистину было прекрасное войско, состоявшее из лучших воинов! Никогда и никто не видывал такой внушительной боевой силы. И венецианцы в изобилии предлагали им на продажу все, что необходимо для коней и для людей. Флот же, который они подготовили, был столь надежен и так оснащен, что никто еще в христианском мире не видывал ничего более богатого и прекрасного; военных кораблей, галер и транспортов в его составе было в три раза больше, нежели требовалось для собравшегося войска.

Но – увы! Какой неизмеримый вред был принесен теми, кто отправился в другие гавани, когда они должны были явиться в Венецию! Сделай они это, христианство вознеслось бы, а земля сарацин пала бы ниц. Венецианцы честно выполнили все свои обязательства, и даже сверх того, что было необходимо, и теперь, когда все было готово, они собрали графов и баронов, чтобы те выполнили свои обязательства и выплатили те деньги, которые были оговорены.

В войске был объявлен сбор денег за перевоз – каждый должен был уплатить за свою доставку сюда. Очень многие утверждали, что не могут позволить себе полную сумму, так что сеньоры взяли с них столько, сколько те могли выложить. Тем не менее, когда сеньоры объявили о стоимости переправы каждого и каждый что-то внес, выяснилось, что собранных денег не только недостаточно для расплаты с долгом, но нет и половины необходимой суммы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.